

18+

АРТЕМИЙ
БЫКОВСКИЙ

КАРМАННЫЕ
ИСТОРИИ

Артеми́й Быковски́й
Карманные истории

«Издательские решения»

Быковский А.

Карманные истории / А. Быковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514258-0

«Зимнее кино» — психологический рассказ, в котором подросток борется с нервными срывами и страхами. Как вместе с отцом он находит надежду в мире, что когда-то не отличался от кошмара. «Человечность» — роман, в котором раскрывается тема человеческой жестокости на фоне восстания машин. Как много в мире искусственных людей, создающих видимость счастья, любви, целеустремлённости, скрывая от себя самих то, что кроется глубоко внутри. Это и многое другое в сборнике «Карманные истории».

ISBN 978-5-00-514258-0

© Быковский А.
© Издательские решения

Содержание

Зимнее кино	6
Так, значит, ты телепат?	29
Последний поход с учителем музыки	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Карманные истории Артемий Быковский

© Артемий Быковский, 2020

ISBN 978-5-0051-4258-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зимнее кино

Каким же был бы день Миши, не возьми он с собой двести рублей про запас, когда узнал, что мать Вовки всё-таки не дала ему деньги на мороженое?

– Ты представляешь! – говорил он. – Она сказала, что фильмы надо смотреть и вникать. Что мозг, который ещё и главный орган, даёт всем органам задания или импульс, – на этом слове он сделал акцент, – на работу. Ты вообще такие слова знаешь?

– Ну да, на литературе недавно же проходили, ты совсем забыл?

– А-ам. – Вовка не появлялся на литературе уже несколько недель. Якобы ему нужно ездить к врачу на лечебную физкультуру, да только ездить – не ездил и на уроки не ходил. А после это вошло в привычку, да и мысль, что она точно ему двойбан поставит, если он придёт в класс, убедила его в том, что добровольно идти на растерзание Зинкой – глупая авантюра. Это слово он услышал случайно в каком-то запрещённом ему мамой боевике, который ночью смотрел с папой, а после не поленился и даже нашёл его в словаре. Теперь это слово знал весь класс – слишком ярко и громко он гордился. В свои тринадцать лет он иногда вёл себя как трёхлетний. – Да я просто забыл, наверное. Ты же знаешь этих старых кошёлков! – Слово такое же редкое, как и авантюра. Его он услышал в не менее запретном фильме, про школьников-бунтарей, коим Вовка себя и считал. Не пойти на биологию больше трёх раз подряд, соврать маме про оценки и даже подделать их и подпись учителя в дневнике для него значило не меньше, чем мировая революция! Правда, вот это-то слово он до конца не очень понимал, но звучало всегда красиво.

На уроках истории он появлялся, как Вовка это называл, по желанию. «Да и чего я там не видывал на ваших занятиях? Подумаешь, кто-то там кого-то убил, кого-то перерезал и что-то захватил. Сейчас этих стран нет, а правители забыты! Что из этого можно доказать? Да и как можно эти знания применить на практике? То ли дело физика. Но до неё ещё далеко (что его расстраивало)».

– Произносят слова непонятно как, а потом пищат «Ты что, меня не слушал?!», когда просишь их повторить. Тебя не смущает, что они задают вопрос «Все всё поняли?» лишь для того, чтобы наорать на кого-то?

– Нет, потому что мне кажется, что они задают его, чтобы узнать, кто что понял, – покачал головой Миша.

– Ага-ага, – покивал Вовка с натянутой улыбкой. – А потом кричат на тебя «Ты чем слушал?», когда ты не понял, почему это после цифр пишутся точки и зовётся это всё дробями.

– Так, давай-ка сейчас башку себе не грузить. Мы с тобой чего вообще пришли?

– Как зачем? Чтобы новый фильм про Шерлока посмотреть.

– Пришли мы, значит, в Парк Горького фильм посмотреть?

– Тьфу ты! – махнул рукой Вовка. – Сюда мы пришли, потому что мороженое тут дешевле. Киношное ты мне точно не купишь.

– Я? – удивился Мишка.

– Ну... я ж тебе сказал, – промямлил он. – Денег мама не дала.

– Тыква ты пустая, – ткнул Мишка пальцем в лоб друга.

– Ну чего тыква-то сразу? – завозмущался Вовка. – Тыковка тогда уж.

Оба хихикнули.

– Ладно, пойдём. Куплю я тебе мороженое. Как знал, взял больше нужного.

– Больше нужного?! – открыл рот Вовка от удивления. – Мы сможем купить попкорн ещё большой тогда!

– Даже и не думай, – отрезал Миша.

* * *

После фильма, который вышел в итоге довольно интересным, Вовка так им вдохновился, что пообещал разыскать и поймать всех убийц так, словно их ловил «сам Бэтмен, то есть Шерлок!» – поправлял он каждый раз себя. На следующий день после короткого вопроса «Сколько их поймали, детектив?», который Миша задал своим недавно натренированным вокальным басом, выяснилось, что тот и вовсе уже забыл обещанное.

– Миш, как твои кошмары? Всё ещё не прошли? – поинтересовалась та самая учительница биологии и по совместительству классная руководительница восьмого «Б», в котором учились что Мишка, что Вовка. Как бы Вова её ни хаял, Мише она на самом деле нравилась. Интересная и приятная в общении женщина, с которой много что можно было обсудить. Она была той, кого бы он хотел называть мамой. И почему же папа после ухода матери на небеса не взглянет на Валерию Артёмовну? «Я думаю, что она могла бы помочь ему справиться с болью в сердце. В конце концов, смерть жены – ещё не конец света», – сказал бы он так, если бы мать умерла не при его рождении, а тогда, когда он был бы достаточно взрослым, чтобы запомнить её? Миша не знал.

– Нет, всё так же плохо. – Его голос эхом пронёсся по всему кабинету. Они часто с Валерией оставались наедине на большой перемене. Она пила чай, иногда проверяла тетрадки, но в основном, когда долг службы её не звал, как учительница говорила в шутку, разговаривала о том о сём с Мишей, по её мнению, самым интересным и способным мальчиком в классе. – Этот оборотень...

– Которого ты иногда видишь по ночам?

Миша кивнул ей в ответ.

– Он что-то хочет от меня? Что-то значит? – Он произносил слова медленно, чуть ли не по слогам. Никогда ещё ничего подобного он не спрашивал. – Я слышал, что некоторые кошмарные образы формируются из страхов самого человека. Но я-то собак вообще не боюсь! Вы видели моего Рекса?

– Да, видела. Не страшно тебе с таким жить?

– А чего его бояться? – спросил ей в ответ Миша. – Меня не укусит, а квартиру он охраняет. С такой собакой вообще ничего не страшно! – улыбнулся мальчик.

– Может ли это быть как-то связано с тем, что ты видишь отца таким?

– Каким?

– Убитым. – Это слово выстрелило в голове мальчика. Оно было невероятно точным и подходило как никакое другое.

– Я не знаю.

– Ты ходил к школьному психологу?

– Ходил, – вздохнул Миша.

– И что психолог сказал?

– Сказал, что меньше ужастиков на ночь смотреть надо и думать о хорошем. Вы же знаете его.

– А к городскому ходил?

– А к городскому не попасть – в отпуске на месяц.

– Всем нам иногда нужно отдыхать, – пожала плечами Валерия Артёмовна. – Так и ты, постарайся действительно не думать о плохом. Выпей на ночь горячего чая, почитай что-нибудь тёплое для души, сказку какую-нибудь.

– Ну, тогда уж я точно не усну, – улыбнулся Миша.

– Главное тебе добиться чего? Расслабиться и отдохнуть. Мне кажется, что это всё оттого, что на тебя давит всё то, что происходит дома. Может, и в школе что-то тебе неприятно. Если что, говори. Держать в себе такое не стоит. Такие мысли – как молоко: со временем забродят, испортятся и станут ещё хуже. Поэтому вылить их из головы нужно прямо сейчас. Попробуй

сконцентрироваться на мысли, что волка этого нет. Что его не существует, он не реален, плод твоего воображения. И постарайся уснуть, хорошо?

– Хорошо. Спасибо вам.

– На здоровье. – Валерия улыбнулась.

* * *

После школы Миша сел на «двойку», так он называл единственный трамвай, что мог донести его до дома, вышел на нужной ему остановке и поплёлся тяжёлыми шагами к подъезду. Он уже предвкушал эти тяжёлые семь этажей пешком.

Достав звенящие всюду ключи из кармана, Миша открыл дверь. Навстречу ему побежал его любимый пёс, умыв всё лицо мальчика своей слюной.

– Ну чего ты, чего ты! – смеялся Миша. – Скучал по мне? Пойдём, я тебя покормлю.

После того как Миша положил Рексу корм, он и сам захотел поесть. Гречка с маслом и сахаром была как нельзя кстати. В этот раз она даже показалась вкуснее обычного – наверное, сахара положил больше нужного.

А в рюкзаке, который он закинул в свою комнату, таились и поджидали его готовые пожрать своей сложностью домашние задания. Русский и математика казались ему дальше Солнца из-за последних тем. Деепричастный и причастный оборот выглядели как братья-близняшки, а отличались лишь по пятнышку на попке, которое он так редко замечал – ленился носить очки. А синусы с косинусами так и вовсе в голову не запали. Единственный раз он согласился с Вовкой: «Бред какой-то. Ни разу не видел, чтобы кто-то с помощью этого кого-то спас. Веселятся же математики – придумают себе фигню какую-то, тысячи задачек по ней, а потом сиди решай да радуйся жизни. И за что им деньги платят?»

Деньги-то он знал за что платило им государство. За то, чтобы тренировали логическое мышление. Но тут его взгляд на математику помутнел – смысла в решении задач с синусами он и вправду не видел. А с этими двумя-тремя уравнениями ничего не сделаешь. Тему он не понял, но понял другое: зазубри формулу, выучи теорему, расскажи учительнице и реши пару задачек – пятёрка в кармане. Способ, работающий почти на любом предмете. Только здесь не как со стихом. Через неделю забыть не получится – учительница пообещала, что эта тема будет встречаться ещё и в старших классах.

Когда Вовка услышал это, то побледнел так, что в классе подумали, будто он сейчас потеряет сознание. Зубрить – не его стезя. Да и учителя частенько преувеличивали, а в старшие классы он не собирался.

Миша всё сидел и заворожённо смотрел на пламенный шар в небе, который медленно тонул за небольшими многоэтажками, растворяясь яркими отсветами.

Перечитав ещё раз параграфы, Миша таки разобрался с темами, а после за час разобрался со всеми уроками на всю неделю. Вот он! Вкус победы!

* * *

Миша проснулся в поту. Ему приснился кошмар, будто он бежит от оборотня и точкой спасения оказывается его собственная постель. Мальчик укрылся с головой под одеялом, и казалось, что опасность миновала. Но оборотень своей огромной волосатой лапой с длинными и острыми когтями приподнял одеяло, наклонился и посмотрел Мише прямо в глаза своими красными как кровь точками без зрачков и спросил своим неестественным, похожим на голоса из электронных песен, голосом: «Ты действительно думаешь, что одеяло тебе поможет?»

Миша вскрикнул и вскочил с постели, а над ним занёс лапу оборотень, собираясь навсегда закончить мучения мальчика. В комнату зашёл отец, разбуженный криком сына, и включил свет.

– Что случилось, Мишка? – произнёс он устало, но с любовью в голосе. В отличие от многих отцов, он крепко любил своего сына и старался быть лучшим отцом в мире. Он был всё-

лым, находчивым, добрым и интересным, но всю эту картину портила одна деталь – его мёртвый взгляд, через который, словно через маленькую щёлку в двери, можно было увидеть душу, которая была, как в таких случаях говорил его отец, склеена на соплях.

– Мне приснился... страшный сон, – сказал Миша. Не в силах больше сдерживать слёзы, он расплакался.

– Ну, чего ты, чего ты? – Отец подошёл к сыну и крепко обнял его, а после одной рукой начал осторожно гладить взъерошенные после сна волосы, а другой поднял упавшее одеяло. Краем глаза он посмотрел на простыню – вся скомкана. Миша ворочался. Возможно, пытался убежать от кого-то во сне. Но от кого, отец не знал – сын не любил рассказывать о своих кошмарах. Да, папа пригрел бы его в своих объятиях, сказал бы доброе слово, но помочь – помочь бы он не смог. – Я с тобой, Мишка. Куда ночь, туда и сон.

– Аминь, – пробормотал Миша, уткнувшись в пижаму отца.

– Если хочешь, можешь поспать со мной, – предложил отец, поцеловав сына в лоб. Тот в ответ кивнул ему. – Хочешь чая?

– Если можно.

– Пойдём, – протянул он.

Отца Миши в округе все звали в шутку Владимиром Великим за то, что он единолично за свой счёт собрал команду, а после отремонтировал свой и соседские подъезды. Жильцы скинулись и отдали большую часть денег за ремонт, но сам факт того, что он изначально сделал всё это безвозмездно, – удивляло.

Когда к горлу Миши подкатывал страх, Владимир знал, что спокойная и отвлечённая беседа о чём-либо и горячий чай успокоят сына. Но сегодня Медведь впервые кричал – до этого он лишь изредка, всего пару раз за всё время, плакал так громко, что Владимир просыпался. Зачастую Миша приходил к отцу сам и просил его успокоить, что тот всегда и делал.

Отец обнял сына покрепче, взял на руки (по сравнению с детскими годами это давалось уже ему не так легко, скоро не сможет так ловко его переносить) и пошёл вместе с ним в обнимку на кухню. Он усадил его на небольшой мягкий диван, налил воды в электрический чайник, а после поставил и включил. Когда чайник закипел и автоматически выключился, Владимир заранее достал кружки и положил в них пакетики с заварным чёрным чаем, а в одну из них две ложки сахара. Сам он не очень-то любил сладкое.

– Миш, печенья и сладкого ничего нет. Так пить будешь? – спросил Владимир, поставив кружки на стол.

– Да, конечно. – Миша медленно поднялся с дивана, потянулся, глубоко вдохнул, а после сел на стул. Он взял кружку с горячим сладким чаем и отпил немного – вкусно. – Спасибо, папа.

– Всегда пожалуйста. – Папа улыбнулся.

Пока они пили чай, Миша рассказывал о том, как они с Вовкой ходили на «Шерлока», рассказал, о чём фильм и что ему в нём понравилось и не понравилось.

– Самое лучшее было в том, что рядом с нами сидели люди, которые тихо, между собой, но очень хорошо шутили. Не всегда смешно, но мне было очень весело. Хотим сходить с Вовкой на «Алису в Стране чудес». Говорят, что очень классный фильм. Мне немножко рассказали, о чём он, и мне стало интересно.

– А книгу ты читал?

– Да, но я толком ничего помню, – с улыбкой признался Миша.

– Думаешь, с фильма запомнишь что-то? – спросил его отец, усмехнувшись.

– Откуда ж мне знать. – Он пожал плечами, но, увидев неодобрительный взгляд отца, исправил себя: – Постараюсь запомнить всё! Я расскажу тебе, что это за фильм.

– Спасибо.

– А ты... – начал было Миша.

– Чего я? – спросил Владимир.

– А ты не хочешь сходить со мной? – Владимир не сразу это заметил, но Миша слегка съёжился. Работая архитектором, его отец целыми днями просиживал за чертежами, иногда отвлекаясь на книги по истории. Когда Миша приходил домой, Владимир откладывал чертежи в сторону. Сын для него был куда важнее «каких-то нарисованных домиков».

Отец молчал, потупив взгляд.

– Я понимаю, что у тебя много работы, – ответил за него Миша. – У тебя скоро... как ты это называешь?

– Дедлайн.

– Да, дедлайн. И поэтому ты не сможешь сходить со мной в кино. – Миша втянул голову в плечи. Только с отцом он мог быть по-настоящему искренним. Показывать свои чувства – интимное дело, а доверял он далеко не многим. – Ведь так?

– Как давно мы с тобой не ходили в кино? – спросил Владимир.

– Ч-что?

– Как давно мы не были вместе в кино? – повторил вопрос Владимир.

– С Нового года, наверное...

– А это почти что год, – закончил за него отец. – Проект этот не такой важный, да и я могу попросить заказчика подождать. В конце концов, что может быть важнее, чем проводить время с собственным сыном? Почти что год! Ты можешь себе это представить? Мне кажется, что это пора бы исправить. А, как думаешь?

– Полностью с тобой согласен! – с лучезарной улыбкой сказал Миша.

– Так, и на что да когда мы с тобой пойдём? – с не менее яркой улыбкой спросил Владимир.

– Знаешь, я тут подумал, – сказал Миша после короткой паузы. – На «Алису» я успею сходить потом или же посмотреть её по телевизору, или в интернете на крайняк скачаю.

– Так, и что ты предлагаешь?

– В небольшом кинотеатре на Заминской будут показывать фильм «Зимнее кино». Это весёлая новогодняя история, которую сняли прямо в нашем городе, представляешь?

– А снимал кто?

– Новоструев Кирилл, – с гордостью в голосе сказал Миша. – Я даже как-то болтал с ним лично. Небольшое интервью брал для школьной газеты. Он, кстати, не только снимал, но и сценарий писал.

– И как рассказал?

– Ребятам понравилось, но учитель сказал, что мог кого-то поинтереснее выбрать.

– Ох уж этот Иван Васильевич ваш. – Владимир покачал головой.

– Он ожидал и хотел, чтобы я рассказал про Эльдара Рязанова.

– Так а в самом деле, почему его не выбрал?

– Да потому что полкласса его выбрало, – возмутился Миша. – Такое ощущение, что рассказать больше не о ком. Вот я и выступил с рассказом о Кирилле. Серьёзно, как его самого не раздражает слушать двадцать пять разных пересказов одной и той же информации про одного и того же человека!? А представь теперь, что он ведёт не один класс и задал им то же самое. И так каждый год!

– Мне кажется, что Васильевич скоро биографию Рязанова будет знать лучше, чем сам Рязанов, – улыбнулся Владимир.

– Если не уже.

Оба громко рассмеялись.

– Так, и что, твоё неизвестное никому кино – интересно-то хоть будет? – спросил Владимир.

– Я думаю, что не хуже, чем «С лёгким паром».

– О как! – Недоверчивый и меряющий взгляд отца впился в сына, как капкан впивается в ногу неосторожного обитателя леса. – А когда премьеры?

– Через неделю. Пап, я ещё... – Он осёкся. Дрожь проходила по его телу, словно ток через смертника. Шок после кошмара ещё не прошёл.

– Не торопись. Подумай, а потом произнеси. Всё в порядке. – Владимир знал, что когда сын начинает нервничать, то быстро тараторит.

– Я бы хотел пригласить Вовку и нашу учительницу по биологии – Валерию Артёмовну.

– Учительницу по биологии? – удивился Владимир. – Зач...

– Она очень интересная, с ней весело, и мы с ней хорошо общаемся. – перебил его Миша. – Мне давно хотелось позвать её, но я подумал, что мы с Вовкой будем ей скучны. А с тобой, даже если фильм вам не понравится, она сможет хоть поговорить. Да и ты так давно ни с кем не разговаривал и...

– Что верно, то верно, – мрачно согласился Владимир. За несколько лет он превратился в настоящего замкнутого домоседа – кроме сына, он почти ни с кем не общался. В это «почти» входят коллеги, заказчики и доставщики съестного – Владимир не готовил, а сына он напрягать не хотел.

– Ты... не против? – чуть сорвавшись на тихий фальцет, произнёс Миша.

– Конечно же, не против! – Владимир обнял своего сына, чувствуя, что ещё чуть-чуть, и Мише может стать хуже. – Пойдём спать, Медведь?

– Пойдём, – устало согласился Медведь.

Когда Владимир донёс Мишу до своей кровати, тот уже спал в его объятиях. «Надо же, как он устал», – удивился Великий. Аккуратно положив сына в постель, Владимир лёг рядом. Сделать осторожно это было очень трудно – в комнате было совсем темно, свет отец забыл включить. Несмотря на это Владимир смог и уложить сына, и сам аккуратно лечь, не разбудив Мишу.

Закрыв глаза, Владимир думал о том, что же делать с кошмарами Миши. Он надеялся, что сейчас никому из них ничего не приснится, а сон будет крепким.

Так оно и оказалось.

* * *

Воскресное прохладное утро, которое так любил Миша, наступило. Каждое воскресенье он на рассвете будил Рекса и гулял с ним по несколько часов – так называемые воскресные прогулки.

Единственное, что Миша действительно любил в своей жизни, – это запах городской тишины и вкус прохладного воздуха, которым он наслаждался, глубоко вдыхая.

На небе стеной стояли серые тучи, через которые пыталось прорваться солнце с авангардом лучей, которые вмиг уничтожили бы священный деликатес. Мёртвое и холодное царство, куда он мог попасть, словно через магический портал, только в воскресное утро – когда никому не надо никуда идти и все спят в своих тёплых постелях. На такие прогулки Миша всегда брал с собой старенький плеер с наушниками, на который он записал аудиокнигу Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков», которую взахлёб слушал.

Когда Миша шёл домой? Сразу же, как только его тонкий слух улавливал суматоху и лишний шум. Тогда, когда мёртвое царство – оживало. Когда солнце пробивало баррикаду из туч и авангард лучей будил петухов, которые запевали свои песни, людей, что нехотя поднимались с кроватей и шли на кухню, дабы выпить чашечку крепкого кофе. Вся атмосфера таяла, а самому Мише становилось «душно», и они вместе с Рексом шли домой.

Так происходило обычно. Но сегодня был необычный день. Где-то, конечно, раздалась отдалённые и приглушённые какой-то непонятной ему дымкой крики петуха, но на этом всё и закончилось. Никто не вышел на улицу, а по небу было видно, что армия солнечного королевства терпит поражение и проводит тактическое отступление – тучи стали тёмно-синими,

размывая горизонт между морем, а ветер разогнался так, что у Миши пошёл лёгкий насморк. Благо, мальчик взял с собой на всякий пожарный носовой платок, которым он сразу же воспользовался.

Тонкий пуховик и лёгкая шерстяная шапка не спасали его от морозного ветра, а Рекс, трясая от холода, смотрел на Мишу умоляющими глазами, как бы прося его: «Мишка, пошли домой, а? Сильно дует!»

Но мальчик стоял на месте, поражённый увиденным. Школьные друзья рассказывали ему о том, как они видели это вживую и каково это видеть. Но сам Миша никогда не мог точно представить, каково же это. И что это такое – увидеть такую красоту. Его волновал этот вопрос, но до сегодняшнего дня он даже и надеяться не смел на то, что сам когда-то увидит это на своей прогулке.

Миша любовался самым красивым в его жизни первым снегом, хлопья которого прилипали к лицу, заставляя морщиться от маленьких холодных капель, стекающих по щекам и подбородку.

Невероятное спокойствие охватило его, он почувствовал, что у него всё наладится. Что всё можно исправить, починить, и со временем счастье придёт к нему, если он сделает первый шаг. Мысли текли рекой, а приятный баритон диктора продолжал звучать у него в ушах, прочитывая абзац за абзацем, предложение за предложением.

Красота момента также неопишима и необъяснима, как шаровая молния, появившаяся внезапно и неизвестно из-за чего. И, как шаровая молния, момент растворился в мыслях Миши, оставив лишь сладкий привкус в его сознании.

Пошёл сильный град.

* * *

Миша провёл целый день дома под толстым одеялом. Он дослушал «Вино из одуванчиков», а после достал с полки книгу, которому ему почему-то захотелось перечитать в очередной раз, – «Маленького принца». Его глаза вцепились в абзацы, а приятный вкус напомнил ему раннее детство, когда они в начальной школе в классе вслух читали эту книгу. Взгляд вгрызался в каждое слово, а разум измельчал метафоры в густую жидкость, которую тут же впитывал. Он читал медленно, не спеша, а закончил уже ближе к вечеру. Чувство ностальгии переполняло его. И тут Миша вспомнил, что так и не позвонил Валерии Артёмовной – с Вовкой они уже давным-давно договорились.

Мальчик, потягиваясь, встал с постели, размял шею круговыми движениями, а после размеренным шагом направился к домашнему телефону. Подойдя к нему, он снял трубку, а после неторопливо набрал номер учительницы, мысленно перепроверяя себя. Когда Миша убедился, что точно позвонит куда надо, нажал кнопку звонка. Через несколько секунд в трубке послышался приятный женский голос.

– Виновийский, ты?

– Да, Валерия Артёмовна. Здравствуйте.

– Здравствуй, Миша. Я уже знаю, почему ты звонишь.

– Правда? – Миша искренне удивился.

– Да. Не волнуйся, с твоими оценками всё хорошо. В четверти я тебе пять выведу – ты очень хорошо написал последние контрольные.

– А, спасибо. Но я не поэтому вам позвонил.

– Нет? – послышался из трубки удивлённый голос. – А зачем?

– Вы заняты в эту субботу?

– Ну, мне нужно будет проверить домашние задания детей – в пятницу хочу немного отдохнуть, работаю допоздна же. А что?

– Я бы хотел пригласить вас пойти со мной, Вовкой и моим отцом в кино – на «Зимнее кино».

– Меня?! – удивилась Валерия. – Почему именно меня? Вам не с кем пойти или...

– Нет-нет-нет, – успокоил её Миша. – Да, это выглядит странно – ученик зовёт свою учительницу сходить в кино, но это так. Я зову именно вас, потому что вы очень интересный человек, с вами много что можно обсудить. Да и мой отец давно не выбирался из дома, а ваша компания помогла бы ему вернуться в социальный строй. Да и, будем откровенны, вам вряд ли будет интересно проводить время с двумя оболтусами.

– Да нет, что ты, что ты...

– Я знаю, что учителя порядком устают от своих учеников.

– Что верно, то верно, – произнесла она с такой же интонацией, как недавно Владимир.

– Но и вам самой следует развеяться – вы же из тетрадок этих не вылезаете! Может быть, добить эту работу в пятницу, а в субботу со спокойной душой провести время с нами? Хотите, я помогу вам проверить тетрадки?

– Спасибо тебе, Миша. Тетрадки я проверю сама, там немного, но вот тестовые работы я тебе на проверку дам. После уроков завтра подойди ко мне, хорошо?

– Хорошо.

Она протянула долгое «А-а-а», а после спросила:

– А где мы встречаемся и во сколько?

– Завтра вам всё скажу.

– Тогда до завтра, Виновийский?

– Да, до завтра, Валерия Артёмовна.

– Ложись спать пораньше, иначе завтра не встанешь. Начинай готовиться ко сну.

– Хорошо! – Если бы она стояла рядом с ним, то увидела бы, как нежная улыбка растёт на его лице. – Спасибо вам.

Она положила трубку.

* * *

Утро перед очередным походом в школу в этот раз было необычным. Оно было слегка возбуждённым.

Миша выспался, несмотря на то что заснул в два часа ночи, а проснулся в шесть утра. Причём на десять минут раньше будильника.

Он приготовил себе завтрак из яичницы и какао, умылся, почистил зубки, надел тёмно-бежевый свитер с серыми штанами, обулся в фиолетовые кроссовки, а после крикнул папе: «Не забудь выгулять собаку!»

Через несколько минут Миша уже стоял на остановке. Он лениво кивнул одноклассникам-соседям, которых терпеть не мог – в свои четырнадцать лет они вели себя как восьмилетние глупые дети. У некоторых в действительности стоял диагноз «ЗПР» (задержка психического развития), но в основном дети, в особенности их родители, не признавали этого, сваливая вину то на учителей, то на непонятно почему сложную программу, ведь если ребёнок не справляется – то виновата школа, а не то, что, приходя в первый класс, дети даже «Курочки Рябы» не читали и подавно не знают, кто это. Что во втором они до сих пор не знают отчества и фамилии своих родителей, а в четвёртом не знают, что столица России – Москва. Что насчёт умножения, сложения, чтения и проверочных слов? Забудьте об этом – эти ребята будут шуметь, вставать посреди урока и поднимать стулья на голову, выкрикивая несвязные звуки, которые называют песнями, писать несусветный бред, а на простейшие вопросы у них одно решение – тупо смотреть на учителя пустыми стеклянными глазами, которые останутся такими на всю оставшуюся жизнь.

Да, некоторые осознают всю серьёзность ситуации, лечат и заботятся о своих детях. Большинство же думают только о себе. Таким Мише хочется задать вопрос: а зачем вы вообще заводили ребёнка? Чтобы был? Он или она – не украшение для сумочки или пиджака! Ребён-

ком нужно заниматься и думать о нём, а не надеяться на то, что «обойдётся». Дураки. Что с них взять?

Всё это утро было таким, за исключением одной маленькой детали. Той, которая металась в его голове, как пуля, рикошетившая от стальных стен. Каким же будет поход в кино? Как отреагирует отец на Валерию? А как она? Будет ли хорошо вести себя Вовка? А если это перерастёт в свидание – будем ли мы с Вовкой уместны? А что, если фильм никому не понравится? Что, если Валерия просто не придёт? А что, если его отменяют? А вдруг случится что-то и папа не сможет приехать?

И пуль становилось всё больше, а пулемёт сомнений выстреливал новой каждую секунду.

Но в то же мгновение, когда он передал шестнадцать рублей водителю и сказал «До сорок девятой», Миша произнёс эту фразу шёпотом вслух, но громогласно, словно оратор, декламирующий какую-то новость всем жителям Рима, у себя в голове: «Будь что будет».

Автобус, к счастью, оказался пустым, за исключением нескольких школьников и бабуль, которые всё куда-то спешили. Когда стальной титан тронулся, Миша чуть было не упал, но вовремя схватился за поручень и сел на свободное место возле окошка. Через пару минут безостановочной езды под проливным дождём лучей он с наслаждением закрыл глаза, пока солнечные зайчики нежно ласкали его щёчку своим теплом. Его чувствительное лицо с настоящей жаждой впитывало тепло светила, будто истощённое животное на водопое.

Через несколько минут автобус попал в пробку, а тёмные злые тучи съели солнце, оставив лишь крошки из лучей, которые исчезли спустя мгновение. Стена вновь построена, но авангард уже не пытается её пробить.

Прогремел жуткий смех, который отдался тяжёлым камнем в душе Миши. По крыше автобуса затоптал марш маленьких водяных солдатиков, которые аккуратно по своим верёвочкам спускались по стёклам. Через минуту топот стал метеоритным дождём, а смех превратился в рёв. Такого дождя Миша не видел давно.

Когда он вышел из автобуса, сильный ветер обдал его, а мелкие холодные капли словно лезвия резали лицо, оставляя на нём красные пятнышки. Лёгкий мороз облачил его руки в перчатки, которые не исчезли даже после того, как он зашёл в тёплое здание школы, в котором ещё вчера включили отопление.

Из маленьких окошек входной двери на него выглядывала голая берёза, возле которой в тёплом мае Миша так любил читать книги, заданные ему на лето, и не только. Летом же он приходил помогать учителям с ремонтом школы и другими делами, а после тяжёлого дня вновь шёл к берёзе, садился на шёлковый зелёный ковёр, упирался головой в ствол и предавался чтению, вбирая в себя новые образы и глотая эмоции, которые прямо-таки сочились со страниц романов Беляева, повестей Пушкина и историй Гоголя, которые Миша находил честными. Читал он, конечно, не всё подряд, а только лучшее из лучшего, поэтому мог, по мнению учителя литературы, пропустить важные мысли.

Багряные кляксы на его руках растворялись, последние капли на его лице стекли на кончик подбородка, а после врезались в плиточный пол.

Когда он прошёл через школьные двери, то подумал, как же это место похоже на психушку. Повсюду слышны дикие крики, на улице, несмотря на погоду, носились дети, выбирая самые странные игры для развлечения. Когда те играли в вождя племени индейцев, то один из ребят чуть не пробил голову одной девочке, оставив тот малозаметный, но уродливый шрам, который та всё оставшееся время учёбы, которое помнил Миша, скрывала за длинной чёлкой своих, уже выкрашенных в розовый, волос.

Учителя же, словно врачи, бегали вокруг «больных», давая дежурным, будто своим личным помощникам-ассистентам, указания, которые по своему тону больше походили на приказы сержанта юным, ещё не освоившимся рядовым. Наша школа – одна из немногих школ, в которой ученики по-настоящему боялись дежурных. Остаться после уроков – страшный кош-

мар школьника. Никому не хотелось убирать за всеми классы. Так ещё и наглые одноклассники, узнав о провинившемся, могли специально не убрать за собой. Первое время из-за этих нововведений в виде увеличения прав дежурных в школе начался период доносительства, а все учащиеся умоляли директора поставить их дежурить вне очереди. Ведь никто не мог проверить, лжёт дежурный или говорит правду. Бегал и кого-то сбил? Оскорбления и унижения ребят? Мы поверим всему, что вы нам скажете. А если кого-то из дежурных обвиняли во лжи, то учителя старались быстрее замять конфликт – лишь бы вся ситуация не дошла до директора, иначе это всё затягивалось. Проблему с наговорщиками, подстрекателями и многими другими частично смогли решить камеры видеонаблюдения – новомодные и дорогие в те времена, казавшиеся такой редкостью, что школу хотелось назвать элитной.

Почему частично? Камеры не были установлены в каждом углу школы. На «беговых дорожках», как мы их в шутку называли, не стояло ни одной камеры. Лестничные пролёты – место, где можно спокойно прокатиться на перилах, набрать огромную скорость, а после со всего разгона шмякнуться головой о стену. Установить дополнительные камеры не представлялось возможным, как говорили учителя. Кто-то думал, что невозможно провести проводку; кто-то – что счёт за электричество оказался бы неподъёмным для школы. Но всё куда проще – у родителей, которые жили со своими детьми зачастую в маленьких однокомнатных квартирках, не хватало денег на то, чтобы сдать на установку «дополнительного оборудования». Они кричали, что школы официально находятся на попечении у государства, на что учителя им отвечали, что камеры и так устанавливались за деньги фонда школы. «Он вовсе не бездонный!» – говорила учительница по математике у параллельного класса.

Учителя продолжали ловить дежурных на обмане и даже хотели написать директору заявление, где требовали бы изменить школьный устав и порядок так, чтобы всё вернулось на круги своя. «Мы не будем просить! Мы будем требовать!» – говорили они.

Но директор предложил другой вариант – между классами будет проведено состязание, чтобы доказать, что именно их класс имеет право дежурить. Родителям всё это казалось сущим бредом, но у ребят глаза вспыхнули от ощущения власти. Ведь если ты будешь дежурить постоянно, то у тебя будет куда больше прав и силы, чем у обычных учеников. Ведь кто-то даже не чурался брать взятки. Условия оказались простыми – не нарушать правил, не заниматься доносительством, в 7:00 по будням стоять у дверей школы, быть справедливым и честным и, конечно же, исправно дежурить на своих постах. То бишь не давать и самим ученикам нарушать правила.

Это были самые чистые полгода в школе, где никто из дежурных даже не думал о нарушении правил.

Но один из сегодняшних дежурных, которому, по-видимому, не дали денег на обед, или же ему хотелось ещё, решил нарушить порядок честности.

Поднимаясь по «беговой дорожке», Миша заметил, как дежурный, зажав младшеклассника в углу, приговаривал: «Неужели ты не знаешь, что по школе бегать нельзя, м?»

Мальчик, укутанный в шерстяной вязаный шарф, который закрывал половину его лица, дрожал. Он знал, что сейчас произойдёт.

– Что же мне делать с нарушителем? – ехидно улыбался дежурный, внешне напоминавший большое перекачано-поле. – Ты чуть не сбил меня, а на моём месте мог быть маленький ребёнок, которому ты мог нанести травму! – прикрикнул он на него. – Ты это понимаешь? А если бы ты бежал быстрее? Чтобы тогда стало бы с ребёнком?

– Простите меня, пожалуйста! – Тонкие струйки слёз текли из глаз мальчика. – Я больше так не буду!

– Я не могу оставить всё вот так вот. – Он оскалил свою пасть в широкой улыбке монстра, который только что вылез из-под кровати и собирался сожрать свою жертву. – Ты же понимаешь, о чём я?

– Н-нет, не очень. – Мальчик неловко пожал трясущиеся от страха плечи.
– Мне придётся отвести тебя к директору, а после пригласить твоих родителей для воспитательной беседы...

– Родителей?

– ...после которой ты будешь серьёзно, – он сделал акцент на этом слове, – наказан.

– Н-но я же ничего не сделал!

– А мог бы! – рявкнул дежурный. – А мы ведь оба этого не хотим? Зачем мне создавать такому хорошему парнишке, как ты, проблемы? Ведь мы можем условиться на одном предупреждении и больше не вспоминать об этом случае, а ты, как порядочный ученик, не будешь больше нарушать, правда, ведь?

– Да, конечно! – Мальчик закивал головой.

– Надеюсь, ты понимаешь, что я не могу просто так закрыть глаза на всё это? – Дежурный сделал движение пальцами, будто перетирает в них что-то. Мальчик сразу же всё понял. Как и Миша.

– Да, к-конечно, – сказал мальчик дрожащим голосом. Он полез в карманы, пытаясь найти мелочь, которую мама дала ему на обед. Дежурный закивал, и тогда тот вытряс даже деньги на проезд. Мысль, что лучше пойти пешком, чем быть отруганным родителями, не так сильно пугала его.

– И это лицо школьной справедливости? – прорычал злой не на шутку Миша.

– Кто ты...

– Тот, кто должен следить за школьным порядком? – Миша не дал сказать ему и слова. Он всем сердцем ненавидел тех, кто хотел при любой возможности побольше набить свой карман. Тот всегда помнил фразу отца: «На чужом горе счастья не построишь». А ломать счастье другого, чтобы на его обломках построить своё – худшее, что может быть в человеке. Соперничество всегда присутствовало в людях, но это не значит, что другие должны страдать из-за тех, кто радуется своей жизни. – Может быть, это тебя надо отвести директору?

– Виновийский? Змей, который мешает нормальным людям зарабатывать.

– Так ты называешь весь этот балаган? И кто же это – нормальные люди? Всем давно известно, что вы кладёте на карман учителям. Можно стерпеть многое, но обворовывание детей!..

– Какая разница, это же всё равно деньги. Да и потом, потеряв такую сумму, он точно больше нарушать правил не будет.

– Ты считаешь, что кулаками можно учить? – Миша подошёл почти вплотную к обидчику.

– Да. И зачастую хороший удар доходит лучше любого слова.

– Ну, тогда слушай внимательно. – Одним хорошим ударом правой он свалил дежурного на пол, а после шепнул мальчику, чтобы тот позвал учителей, сообщил о том, что случилось, и спрятал подальше деньги.

– Что вы за балаган тут устроили?! – проревел завуч, смотря на Мишу и на медленно поднимающегося дежурного. Все в школе боялись этого грозного парня, которому недавно стукнуло тридцать. Может быть, поэтому директор и взял его к себе на работу. Через несколько секунд он продолжил уже спокойным голосом: – Миша, мне уже всё рассказали. Я знаю, что ты не из тех, кто начинает драки просто так. Ты ведь понимаешь, что в любом случае поступил неправильно?

– Да, простите меня, пожалуйста.

– Не перед нами, а...

– Прости меня, Рома. Мне не стоило ударять тебя. – Миша протянул ему руку. Рома схватился за неё, Медведь помог ему подняться. Довольный, завуч улыбнулся.

– А ты, Рома, – завуч укоризненно посмотрел на него, – ещё раз ты устроишь подобный цирк – вылетишь из школы.

– Чего?! – воскликнул Рома. – Вы не имеете права! Без вызова родителей-то?

– Тогда ты предпочтёшь стоять на учёте? – Завуч знал, за что зацепиться. Родители во всём потакали мальчику, но попасть на учёт он боялся. В будущем это могло создать проблемы, а этого юному взяточнику не хотелось.

– Не повторится, – тихо и монотонно произнёс Рома.

– Я думаю, что мы друг друга поняли.

Резкий тонкий писк ворвался в уши. Стих, а потом вновь тараном пронёсся по барабанным перепонкам. Прозвенел звонок на урок.

– Все мы опаздываем, и всем нам лучше пойти в свои классы, правда ведь? – вновь спросил завуч.

– Да, конечно, – сказал Миша. Рома же одарил того кротким кивком, а после поплёлся на третий этаж в поиске кабинета химии.

Миша взбежал по лестнице на четвёртый, постучался и вошёл в класс.

– Здравствуйте, извините за опоздание, – сказал Миша, переводя дыхание. – Можно войти?

– Миша, смотри, чтобы у тебя это в привычку не вошло. Днев... – Валерия осеклась, а после продолжила: – Ладно, ты зашёл практически сразу. Быстро готовься к уроку.

– Спасибо.

Миша скинул рюкзак с плеча на левую руку, а правой пожимал руки своих школьных друзей, с которыми хорошо общался в пределах школы. Иногда его даже расстраивало то, что он неинтересен им. Ведь общались бы они, если бы познакомились где-то в другом месте? В классе у него были натянутые отношения. Все ему радостно улыбались и с охотой пожимали руку, да только один Вовка делал это искренне. И оба это знали.

– Дети, пока ещё помню. – Она поднялась со стула и встала рядом с первой партой среднего ряда. – Я хотела предупредить вас. Нам поступила информация, что в нашем городе орудует маньяк. На его счету около шести убийств. Самый большой страх города в том, что он остаётся на свободе. Власти делают всё возможное, чтобы окончательно приструнить его. Не гуляйте допоздна. Как начнёт темнеть, сразу же идите домой. Без взрослых на улице после шести вечера вообще не появляйтесь. Я надеюсь, вы все понимаете серьёзность моей просьбы?

– Да, Валерия Артёмовна, – хором ответил класс.

– Ваши родители уже в курсе – эта тема поднималась на последнем собрании. – Учительница немного замаялась, стараясь скрыть своё волнение. Через несколько секунд она продолжила с былой уверенностью в голосе: – Не теряйте бдительность и не бойтесь – с вами уж точно ничего не случится, если не дадите повода. Есть вопросы?

– А его ведь точно поймают? – спросил неуверенным голосом мальчик, сидевший на задней парте.

– Ну конечно! – всё с той же наигранной уверенностью ответила Валерия. Страх прошиб весь класс. И не только детей.

– Итак, дети. – Учительница взяла учебник со стола. – Продолжим. На повестке дня у нас семнадцатый параграф...

День тянулся бесконечно медленно, словно нескончаемая резина. На переменах Миша слушал аудиокнигу, а на неинтересных ему уроках – на ОБЖ и искусстве – смог хорошо поспать: этой ночью ему вновь плохо спалось.

Ему, как и Вовке, на уроках было скучно – четвертные оценки выставлены, темы все разобраны. Учителя старались как-то заинтересовать детей: кто-то включал фильмы, кто-то давал интересные работы и тесты, а некоторые и вовсе просто рассказывали истории из жизни, пили чай с печеньем и просто весело проводили время.

Как-то раз в один из таких дней зашёл директор, спросил о том, что же в классе происходит, на что получил ответ, что ученики прекрасно справились с последней контрольной – четвёрки, пятёрки, за что их наградили таким отдыхом. Такой ответ устроил его, и он, поправив свой строгий пиджак, вышел.

Во время перемены перед последним уроком Миша подошёл к Валерии и сказал ей короткое «спасибо».

– За что? – удивилась Валерия.

– За то, что вы сдержались и не показали страха.

Валерия наклонилась и прошептала ему на ухо:

– А ты откуда знаешь?

– Я очень хорошо знаю, когда ваша уверенность настоящая, а когда – нет.

– А ты, значит, наблюдательный, а? – игриво произнесла она, ткнув указательным пальцем в его маленький носик. – Бунък!

Миша поморщился.

– Достаточно посмотреть, как вы иногда разговариваете с учениками и директором, и всё встаёт на свои места.

– Миш, слушай.

– М?

– Всё ещё в силе? Твой папа не передумал?

– А чего ему передумывать-то?

– Ну, ходят тут всякие ночью.

– Он не из боязливых, – улыбнулся Миша.

– А ты? Ты сам как?

– Я? Полный порядок! – Так убедительно врать ему ещё не удавалось никогда.

* * *

– Пап, ты уже выбрал, в чём пойдёшь? – спросил Миша, всеми силами стараясь влезть в старый, но красивый свитер с оленятами, который ему когда-то связала бабушка. Тщетно – в плечах совсем узко. Миша чуть ли не сдёрнул его с себя, аккуратно сложил и положил обратно в шкаф; туда, где лежала одежда, которую надобно бы отдать или выбросить, но этого делать совсем не хочется. Та одежда, которую хочется сохранить на всю оставшуюся жизнь, изредка доставать и со слезами ностальгии предаваться тёплым, как свежеприготовленная выпечка, воспоминаниям, когда маленького тебя окружали заботой, любовью и вниманием – тем, чего многим детям не хватает, когда они становятся старше.

– Я совсем об этом не задумывался, – честно признался Владимир, почёсывая свои горячие уши. – Можешь помочь выбрать, Медведь?

– Да, конечно! – с улыбкой на лице кивнул чуть ли не в пояс Миша. – Что попадает под раздачу?

– Помнишь тот тёмно-серый пиджак и синие твидовые штаны? – Миша кивнул в ответ. – Но мне кажется, что можно надеть ту чёрную новенькую джинсовку и те бежевые штаны. У меня ещё ботинки есть коричневые, вот. – Владимир стукнул ногой об ногу.

– Слушай, так чего тут думать? Идеально же! – улыбнулся Миша. – В самый раз для похода в кино. А то пиджак и штаны как-то совсем официально. Она же как-никак учительница, и такой внешний вид встречает её постоянно в стенах школы. А этот твой боевой образ будет для неё глотком свежего воздуха!

– Думаешь? – спросил засмущавшийся Владимир.

– Конечно! – Миша ещё раз размашисто кивнул. – Я просто в этом уверен!

– Ну, тогда решено! – На лице Владимира блеснула слабая улыбка.

– А что же мне надеть?

– Ты не знаешь? – Брови Владимира сошлись в острую стрелу.

– Хотел тот свитер, тёмно-красный, но он уже маленький, – медленно произнёс Миша.
– А что насчёт той майки, которую мы тебе недавно купили, и худи с черепами?

– Точняк! Спасибо! – Миша с головой залез в шкаф, рылся там некоторое время, пока не достал то самое чёрное худи и майку, на которой было написано что-то на японском. Через минуту Миша надел то, что достал, а после побежал к зеркалу. Владимир улыбнулся, глядя на позирующего перед отражением сына.

– Миш, напомни, ко сколько едем? – спросил Владимир, надевая джинсовку.

– Немного поздновато, к восьми. – Миша поднял брови в ожидании того, что отец резко передумает. У Владимира не было такой привычки, но Мише каждый раз кажется, что ей пора бы проявиться именно сейчас.

– Попкорн будем брать? – сказал Владимир.

– Да, и колу! – Миша закончил с приготовлениями и уже стоял у входа.

– Хорошо. – Владимир с улыбкой на лице легко потрепал соломенные волосы сына.

Ничего не изменилось.

– Пойдём?

– Пойдём.

Щелчок замка. Шуршание карманов. Пик-пик. Машина открыта. Через несколько секунд Владимир завёл свою старенькую «Мазду», напомнил сыну жестом, чтобы тот пристегнулся.

– Тебе что-нибудь поставить?

– Давай поностальгируем? – с задором спросил Миша. – Врубай «Квин»!

Через пятнадцать минут они припарковались возле кинотеатра, вышли из машины и пошли навстречу только что вышедшему из автобуса Вовке.

– А где Валерия? – дрожащим голосом спросил Миша. Опасения, что Валерия может не прийти из-за уроков или ещё чего-нибудь, казались ему неопровержимой реальностью и крепчали с каждой секундой, становясь прочнее стали. Но словно по мановению лёгкой руки они были сдуты, как маленькие белые парашюты взлетают в воздух со своего одуванчика, одаривая почву новыми семенами. Валерия коснулась правого плеча Миши, ласково сказав: «Привет, ребята!»

– Валерия Артёмовна! Здравствуйте! – сказали почти хором мальчишки.

– А вы, как я понимаю, Владимир, отец Миши?

– Всё верно. Рад знакомству, Валерия. – Виновийский-старший улыбнулся, стараясь скрыть лёгкую тревогу, которая со временем словно снежный ком нарастала всё больше и больше. Миша это понял по лёгким подёргиваниям пальцев рук отца, которые дрожали, когда тот нервничал. – До начала ещё есть время, но я бы хотел купить билеты сейчас. Пока есть возможность занять лучшие места.

Взрослые отошли, оставив Мишу и Вовку наедине. Последнее, что Медведь услышал, – короткое «Давайте возьмём поближе? А то я совсем слепая» от Валерии, а после её бархатное хихиканье, которое Владимир поддержал хохотом.

– Чего смешного-то? – спросил Вовка, скорчив несуразную гримасу, которая всегда значило одно – Вовка увидел что-то глупое, непонятное и бессмысленное. То, что не имело место быть. Но зачастую то, что он именно не понимал в силу возраста. Хотя даже Миша согласился, что смеяться и вправду было не над чем.

– Взрослые. – Миша пожал плечами.

– Миш, слушай, а на самом деле чего это ты Лерку пригласил? – легко подтолкнул Мишу Вовка.

– Во-первых, не Лерку, а Валерию Артёмовну, а во-второ...

– Батюшки! – Вовка комично развёл руками в стороны. – Так у нас тут всё серьёзно, а?

– Да. Я думаю, что у них может всё получиться.

– Ну а если серьёзно и без шуток, почему именно она? – Вовка присел на деревянную скамейку, с которой тут же вскочил. – Х-холодная, зараза!

– Посмотри на неё. – Миша мотнул головой в сторону отца и учительницы, которые стояли у кассы, выбирая места. – Она весёлая, жизнерадостная, умная и всегда расскажет что-нибудь интересное! С ней можно много о чём поболтать.

– И часто ты с ней вот так болтаешь? – спросил Вова, ехидно улыбнувшись. – Что же ты ей такое рассказываешь? А что она?

– Какое тебе... – Миша осёкся. Он не хотел рассказывать Вовке о своих кошмарах, но понимал, что иначе он не поверит. А врать Миша не умел, с ходу что-то такое правдоподобное не придумает. – В последние месяцы я просыпаюсь в холодном поту и вижу всякое.

– Например?

– Огромный силуэт, вытканый из тьмы, который будто разорвали ножницами – на его теле, руках и ногах много резких углов, которые были словно когда-то заполнены. Зачастую бывает так – это существо стоит в комнате вдалеке, поворачивается ко мне и медленно шагает в мою сторону. Тогда-то мне и удаётся разглядеть поподробнее его жуткую волчью пасть. Мне начинает казаться, что я слышу щёлканье стальных зубов! Но самым пугающим было не это... А то, какие у этой твари были глаза – ярко-белые, словно две большие звезды, которые решили ослепить меня своей полной пустотой, выпуская невидимые лучи, пронизывающие меня с ног до головы таким ужасом, что мне приходится менять постель.

– Ты до сих пор писае...

– Нет, конечно! – Щёки Миши загорелись алым пламенем смущения. – Я же говорю: поте-ю!

– Прости, что перебил тебя. Продолжай, пожалуйста. – Вовка, преодолевая жуткий холод, который пронзил его задницу, уселся на скамейку. От тяжёлого дня ноги так ломило, что немного отморозить пятую точку не так страшно по сравнению с тем, чтобы ещё пять минут простоять столбом.

– Обычно, когда я закрываю глаза или же резко встаю и иду к этому монстру, он растворяется или же постепенно расплывается, после чего испаряется. Но пару дней назад, когда я ночью вновь увидел это существо, то вновь закрыл глаза. Но в этот раз это не помогло. Силуэт продолжал стоять на месте, и, как мне показалось, монстр улыбался. Я решился на отчаянный шаг – вскочил, вплотную подошёл к нему. И, как обычно, собирался пройти сквозь него, но лишь почувствовал, как моя грудь упёрлась в твёрдые острые углы. Ещё бы чуть-чуть, и порвалась моя майка, а затем хлынула бы кровь. Но этого не произошло, потому что я моментально отстранился. По моим ушам ударил резкий металлический лязг, который оказался смехом монстра. Через секунду я почувствовал, как эта тварь схватила меня за горло и начала душить. Будто стальной канат затянулся на шее и сжимал её так, будто собирался обезглавить меня. В тот момент мне действительно так казалась. А боль всё усиливалась. Хоть в комнате и было темно, я почувствовал, что в глазах начинает темнеть, а я не могу пошевелить руками – так сильно я вцепился в лапу монстра. Я брыкался, дёргался, пытаюсь вырваться из лап чудовища, пока случайно моя нога не задела выключатель. Свет священным огнём обжёг мои глаза, они заслезились, и я невольно закрыл их, всё ещё лоя ртом воздух. Когда же я их открыл, то понял, что лежу на холодном полу, весь в слезах. Но один. Это существо исчезло и несколько дней не появлялось. Но мне страшно. Мне кажется, что оно...

– ...вновь придёт, но с намерением убить тебя? – закончил за него Вовка. – Ты думаешь, что это затишье перед бурей?

– Именно так я и думаю. Поэтому мне страшно. Мне кажется, что сегодня может произойти что-то ужасное. Что-то по-настоящему плохое.

– Думаешь, что перед нами сядет высокий мужик в шапке?

Оба засмеялись.

– Миш, всё будет в порядке. – Вовка положил руку на плечо своему лучшему другу. – Сегодня вместе посмотрим кино, училка и твой папа наслаждаются общением друг с другом, а мы просто весело проведём вечер. Ну, скажи мне, что может произойти плохого-то, м?

– А что, если тот маньяк...

– Ага-ага. – Вовка саркастично покивал головой. – Смотри на небо, похоже, что это луна падает.

– Не смешно, Вова, – серьёзным монотонным голосом произнёс Миша.

– Подумай сейчас логически, – таким же серьёзным голосом сказал Вовка. – Каков шанс того, что этот убийца во всём нашем огромном городе выберет именно нас? Да и зачем мы ему сдались? Помнишь же детективные сериалы? У маньяков всегда есть какая-то закономерность в том, чтобы выбирать кого-то в жертвы. То бишь какая-то общая деталь у тех, кого он убивал и планирует убить, понимаешь?

– Да, понимаю.

– А кем были его жертвы?

– В основном юные девушки, чуть старше нашего, если я не ошибаюсь.

– Элементарно, Ватсон! – Вовка хлопнул Мишу по плечу.

– А среди нас таких нет. Валерия куда старше двадцати пяти, по-моему.

– Естественно, старше. По ней же видно, – прошептал Вовка, будто боялся, что та его услышит.

– Значит, всё будет в порядке? – спросил Миша, веря, что Вовка и в самом деле знает ответ.

– Ну конечно! – Вовка крепко хлопнул своего друга по плечу, да так, что тот сильно пошатнулся и чуть не упал. – Ой, прости, пожалуйста. Не подрассчитал.

– Да всё в порядке, – сказал Миша, потирая ударенное место.

– Ребята! – позвал Владимир мальчиков. – Идите-ка сюда скорее!

Мальчики быстро подбежали к Владимиру. У того в руках было две купюры по сто рублей.

– Я всё-таки обещал Мише колу. Да и ты, Вовка, вероятно, захочешь что-нибудь. Прикупите себе что-нибудь. Сдачу можете себе оставить.

– Юху! Гуляем! – радостно прокричал Миша.

– Вот это я понимаю! – довольный услышанным, Вовка взял две купюры, одну из которых протянул Мише. – Ну что, пойдём закупаться?

– А я быстрее! По-любому! – Миша сорвался с места и побежал в сторону «Магнита».

– Так нечестно! – Вовка побежал за Мишей, но было явно видно, что тот, даже если бы они стартовали в один момент, не догонит его. – Я тебя догоню, маленький шалопай!

– Э-это мы ещё посмотрим! – с усмешкой прокричал ему Миша, повернув голову впол-оборота.

Через несколько секунд мальчики исчезли за горизонтом ночи, оставив после себя лишь малозаметные следы на тонком слое снега.

– И вы не бойтесь их вот так отпускать? – спросила Валерия, уперев руки в боки.

– Честно? Боюсь, – с улыбкой кивнул Владимир. – Но я уверен, что ничего не случится. Народ ещё ходит, а улицы хорошо освещены. Они туда и обратно.

– Повезло вам с сыном. – Валерия улыбнулась следом. – Очень способный и интересный мальчик. Только спит на уроках часто.

– Устаёт после уроков и...

– Можете не рассказывать байки. – Она легко стукнула его в плечо. – Я знаю, что он видит кошмары во сне...

– ...и наяву, – неожиданно для неё закончил Владимир.

– Почему вы...

– Может быть, на «ты»?

– Да, конечно.

– Почему я не отвёл его к психологу – это вы хотели спросить? – Она кивнула ему в ответ. – Я водил его к разным психологам, и спустя долгое время мы нашли подходящего. Но сейчас этот врач в отпуске, который вот-вот закончится.

– Но Миша не говорил о том, что посещает психолога...

– У него не очень хорошая память. Да и был он у неё всего один раз, и то – месяц назад. Мог забыть. – Владимир пожал плечами.

– Действительно, – согласилась Валерия.

– По личным делам, да и по рассказам самого Миши, я знаю, что вы – неполная семья, так? – Владимир кивнул головой. – Скажите, это было расставание или же...

– Милена умерла при родах, – закончил он за неё, опустив голову. – Она мечтала о ребёнке, а в детях души не чаяла. Как только мы заговорили о ребёнке, Милена сразу же сказала, что это будет мальчик и мы назовём его Мишей. Я с ней спорил. И судьба тоже. Разве что назвал его Мишей я уже в одиночку. Мне тяжело без неё. – Валерия заметила, как маленькие шарики на лице Владимира превращаются в огромные жидкие комья, а после скатываются по щекам, щекоча подбородок, с которого после огромным валуном падают наземь.

Валерия хотела поддержать его, обнять. Но могла ли она это сделать? Они ведь не так давно знакомы. Сомнения перестали её терзать – если она может обнять даже незнакомого ей ученика, лишь бы тому стало легче, то отца Миши и подавно.

Она крепко обняла его, он уткнулся в её плечо. Так прошло где-то чуть меньше минуты, после чего Владимир попросил прощения и отстранился.

– Всегда слёзы текут, как вспоминаю о ней.

– Всё в порядке. – Валерия одарила его лучезарной, а самое главное, заразительной улыбкой.

– Валерия, скажи, каково это вообще – в школе работать? Это ведь не стюардессой – мир не повидаешь, да и никто не пригласит на свидание после окончания рабочего дня.

– Так это вас интересует, да? – Она игриво блеснула глазами. – Ну, что верно, то верно. Ни о каких отношениях речи даже близко идти не может. Хотя много кто предлагал, но в основном это были либо совсем неинтересные ребята, либо те, кому я во внучки гожусь.

– Настолько всё плохо? – Владимир засмеялся.

– По крайней мере, мне так кажется.

Оба прыснули.

– Как у тебя так ловко с детьми получается, Валерия? – спросил Владимир, жестом приглашая сесть на скамейку Валерию. Они уселись.

– Ну, со всеми по-разному. Но если в целом, то нужно показать классу, что ты настроен серьёзно, уважаешь учеников и хочешь, чтобы они вели себя достойно. А если ты насчёт биологии – нет смысла заставлять детей учить или зазубривать предмет. Я не хочу, чтобы мои ученики с раздражением поглядывали на часы и думали: «Да когда ж это всё закончится?» Если им не хочется учиться на моём уроке, слушать меня и им неинтересно, то это будет полным провалом для меня. На моих занятиях я звезда. И все должны концентрировать своё внимание на мне и на том, что я говорю. Поэтому я стараюсь подавать информацию настолько интересно, насколько это возможно. Я заметила, что класс Миши очень любит дискуссии, и взяла это на вооружение. Теперь каждый урок с ними – сказка, а они хотят ещё провести со мной хоть пять минуточек на перемене. Я считаю, что это победа.

– А ты молодец! – искренне похвалил её Владимир.

– Спасибо. – Она немного потупила взгляд, а после спросила: – А как у вас всё выходит с Мишей?

– Знаешь, я не думал, что кому-то буду рассказывать это. Всё-таки рассказ о том, как я уживаюсь с сыном, превратится в изливание души, которое окажется очередным нытьём, какого во всём мире и так предостаточно. Как мы живём? – Владимир повернул голову набок. Послышался лёгкий хруст в шее. – Я целыми днями работаю за компьютером, конкретно посадил своё зрение. Решил рисовать чертежи по старинке, руками, линейками, транспортирами и так далее. Знаешь, первое время мне даже нравилось, пока руки совсем не огрубели и не заросли мозолями, а пальцы стало ломить.

– Ломить от черчения? – Валерия повела бровью.

– Ломить от артрита, который недавно мне диагностировал врач. Он посоветовал мне не перенапрягать руки и попробовать вязать или что-то вроде того.

– Чтобы укреплять руки, логично. – Она согласно кивнула.

– Я всё ещё иногда черчу, даже немного рисую, но отдал предпочтение компьютеру.

– И как? Справляешься?

– Заказчики довольны, с деньгами проблем нет, но сам я, честно, устал от всего этого.

На сына времени почти не остаётся.

– Если человек захочет выкроить время, он сделает это.

– Я и выкраиваю, – возмутился Владимир. – Но получается не так уж и много. Да и сам Миша совершенно вымотан этими кошмарами, а я толком и не знаю, как решить эту проблему.

– Ты помогаешь ему?

– Я всегда с ним, когда ему плохо. И стараюсь быть всегда с ним, когда ему хорошо.

– Тогда почему же он несчастен? Я видела, что целый день он обеспокоен чем-то.

– Скорее всего, его напугала эта история с маньяком. Дети очень чувствительны, знаешь ли.

Валерия закатила глаза. Владимир тихо хихикнул.

– Ну а если серьёзно, то все эти истории с убийцами его задевают. Я ему ещё не успел сказать...

– То есть он узнал это от меня? – Валерия поднесла руку ко рту.

– Не совсем, – мотнул головой Владимир. – Он видел новость краем глаза в газете, но не обратил внимания. Я подумал, что Миша уже морально подготовился к этому, но даже так это произвело на него огромное впечатление.

– Как думаешь, эти образы, которые являются ему ночью, могут быть связаны с маньяком?

– Что ты имеешь в виду?

– Он ведь боится убийств, подобных историй, так?

Владимир кивнул в ответ.

– Его образы ведут себя, как убийцы. Я заметила в поведении чудовищ закономерность. Сначала они тихо открывают дверь, бесшумно подходят и собираются что-то сделать.

– Но он каждый раз обнаруживает их раньше.

– Потому что бдителен. Миша рассказывал мне, что иногда может просто проснуться и резко повернуться. Он боится, что его застанут врасплох.

– А именно это и может сделать убийца, если резко выскочит из-за угла, – согласился Владимир.

– Так он, скорее всего, думает. Но я не думаю, что что-то случится на самом деле.

– Естественно. В городе столько людей, да и наверняка он где-то затаился или его уже поймали.

Лера угукнула в ответ.

– Валерия, он доверяет тебе, и ты это знаешь, – произнёс Владимир серьёзно. – Скажи, как ты планируешь распорядиться его доверием?

– Мальчикам в его возрасте хочется хорошего отношения от девочек, если ты понимаешь, о чём я. Мы знакомы с ним не так долго, чуть больше года, но уже успели породниться с ним. Мне приятно вести уроки, когда он в классе, а без него – скука скучная. Миша – единственный человек, с которым можно интересно поговорить, что-то обсудить.

– А остальной класс?

– Создаёт видимость. – Она развела руками.

– А Вовка что? Тоже не учится?

– Вовка? – с лёгким смехом переспросила Лера. – Он в биологии знает не больше, чем я в черчении.

– Ну, у меня будет время тебя подучить, если тебе интересно.

– Правда?! – В её глазах блеснули искры.

– Я решил взять небольшой отпуск, благо, финансы позволяют. Проведу время с удовольствием в компании сына и...

– Я буду рада наконец-то вылезти из тетрадей и провести весело время с Мишей и... – Она слегка замялась, но продолжила со своей знаменитой нестигаемой уверенностью: – С тобой, Вова.

Владимир покраснел.

– И мне будет очень приятно провести время с тобой, Лера.

Лера покраснела ярким багрянцем.

– Может, пройдемте в фойе? – джентльменским голосом предложил запыхавшийся Вовка. – А то аж раскраснелись от холода.

Валерия и Владимир звонко рассмеялись.

– Что с ними? – Вовка вновь скорчил свою гримасу непонимания.

– Взрослые, – ответил Миша.

* * *

Поход в кино прошёл удачно. С фразой «Новоструев отжэг!» Миша вышел из зала в компании своего отца и классного руководителя.

– А где Вовка? – с тревогой в голосе спросила Валерия.

– В туалет вышел, забыли? – сказал Миша. – И я последую его примеру! Можете подождать нас на улице.

– Хорошо. – Взрослые сказали это одновременно, после чего их щёчки слегка зарумянились. Они вышли.

– Как тебе фильм... Лера? – Владимиру было всё ещё неловко произносить её краткое имя.

– Мне очень понравилось. – Она лучезарно улыбнулась ему, чем разрядила напряжённую обстановку. – Особенно понравилась атмосфера фильма. Актёры были, конечно, не Голливуд, но тоже ничего.

– Полностью согласен. – Владимир улыбнулся в ответ.

– Ты был серьёзен насчёт?..

– Да, абсолютно. Как раз каникулы начинаются. Ты... смогла бы?

– Да, почему нет. Тем более я давно ни с кем вот так не общалась. Как раз прекрасная возможность узнать друг друга получше.

– Сегодня спрошу разрешения у Миши.

– Надеюсь, что он будет не против. – Она соединила ладони в молитве и возвела их к небу. Владимир захохотал.

– Ты прекрасна, Лера.

– И ты неплох, Вова.

– Да и я хорош, – сказал неожиданно подошедший Вовка.

Все втроем захихикали.

– А где Миша? – спросил Владимир.
– Руки моет, – сказал Вовка, а после посмотрел на Владимира. – Дядь Вова, за мной папа уже приехал. Я пойду?

– С Мишей попрощался?

– Да, сэр!

– Ну, иди тогда, солдат. – Дядя Вова потрепал младшего тёзку за волосы. Вовка вышел из кинотеатра и побежал навстречу своему отцу. Через некоторое время они сели в машину и уехали.

– Вов, я тоже поеду. Автобус скоро, да и...

– Мы подвезём тебя. Мне несложно.

– Правда? Спа...

– Мы не можем оставить такую даму на съедение волкам! – сказал Миша, недавно вышедший из туалета.

– Именно. – Миша стукнулся с отцом кулачками.

– Ну тогда пойдёте? А то я так устала. Прямо сейчас хоть падай на эти диваны. – Она взглядом прошлась по большим красным удобнейшим диванам, на которых они сидели, дожидаясь, когда откроют зал.

– Пойдёмте.

Они молча вышли из кинотеатра и так же молча сели в машину.

– Диджей, поставь битлов, – скомандовал Миша.

– С удовольствием!

Через несколько минут они добрались до девятиэтажной коробки, шедевра архитектуры, в одной из квартир которого и жила Валерия.

– Ох, сколько фонарей перегорело. – Она покачала головой.

– Тебя проводить до...

– Нет, не надо. Вы и так много для меня сделали. Спасибо вам большое, мужчины. – Лера наклонилась и нежно поцеловала Владимира в щёку, а Мишку легонько потрепала за волосы. – Зовите ещё! Буду рада провести время в вашей компании.

– Обязательно! – хором ответили Виновийские.

Валерия вышла из машины, хлопнула дверь, поднялась по лестнице и помахала рукой на прощанье. Это был последний раз, когда Владимир видел её.

* * *

Они сидели так молча пару минут, дослушивая последнюю песню на диске, а потом Миша сказал:

– Пап, а покажи, как передачи работают?

– А, ну смотри... – Он начал было показывать, но Миша прервал его жестом руки.

– Это же будет нереалистично, если ты мне просто покажешь вот так, руками. Почему бы нам не поменяться местами? Я хоть почувствую, каково это – сидеть на месте водителя.

– Так вот оно что.

Миша довольно улыбнулся.

– Ну, хорошо. Только не запачкай мне тут ничего!

Они кое-как пересели на места друг друга. «Ничего не запачкать» оказалось невыполнимой задачей – Миша всё-таки задел грязным ботинком дверцу, оставив небольшой след.

– Ну Миша! – возмутился Владимир.

– Прости, пап.

– Ну как, устроился?

Миша не мог усесться – ёрзал по сиденью с минуту, потом перестал и, довольный, ответил:

– Да.

Владимир вкратце объяснил ему, как работают передачи, педали, руль.

– Хочешь, попрактикуемся?

– А можно? – Глаза Миши расширились от изумления.

– Конечно! Но немного, сразу говорю. Видишь тот поворот, а после выход на главную? Езжай по прямой, а на повороте остановись. Посмотри, как ты меня слушал.

– Ой, пап, смотри, снег пошёл!

– Да, и давно, похоже, идёт. Посмотри на стёкла!

Стёкла из-за дождя были такими мыльными, что фонари, стоящие от машины в нескольких метрах, казались сгустками чистого света, как надувные шарики, закреплённые на большой стальной верёвке, наполненные люминесцентным газом. Включённые лампочки в далёких окошках казались небольшими огоньками святого Эльма, освещающими тьму мультивселенных.

– Теперь, если включить воображение, то картинка станет такой ясной, как в крутом кино!

– И вправду. – Владимир улыбнулся. – Чем тебе не американский автокинотеатр?

– Пап, ведь ради таких вещей и стоит жить, разве не так? – Миша смотрел вдаль, не замечая лёгкого стука в окно Владимира. Как и сам Владимир, замороженный происходящим. – Знаешь, такие дни – как торты. Если будешь есть сладкое каждый день, то и привыкнешь вовсе к нему. А так – всё это ничем не хуже праздника.

– Истина, Медведь! Знаешь, мне самому очень нра... – Миша перестал слышать Владимира. Перестал ощущать собственное дыхание, как и своё тело. Он внимательно вглядывался в замыленное снегом окно, через которое на него смотрел мужчина, которого тот мог раньше видеть. Миша не мог понять, где и когда, пока не посмотрел внимательнее в его размытое лицо. Даже сквозь дымку был виден его ярко-белый пустой взгляд, дикая ухмылка, которая с каждой секундой становилась всё больше похожей на волчий оскал, который чуть ли не каждую ночь доводил Мишу до истерик.

Убийца резко открыл дверь, Владимир вывалился из машины. Единственное, о чём он подумал в этот момент: «В машине надо всегда пристёгиваться. Вне зависимости от обстоятельств».

Мужчина стальным кнутом схватил Владимира за шею, приставил нож к горлу.

– Я знаю, что ты можешь вырваться, но я крайне не рекомендую тебе этого делать. – Его холодный голос пробрал Мишу до кончиков волос. – Иначе эти несколько сантиметров металла войдут прямо в твоё горло.

Миша хотел было что-то сказать, но почувствовал, что единственное, что он может сейчас сделать, – крикнуть. Губы мальчика сильно дрожали.

– Хочешь кричать? Давай. Тогда я убью вас обоих. – Волчий оскал вновь блеснул на его мёртвом лице.

– Пап-па, я л-люблю тебя. – Слезы водопадом хлынули из его глаз.

Убийца засмеялся. Владимир подумал, что это хорошая возможность. Он попытался скинуть его с себя, но канат на его шее натянулся ещё сильнее, а нож до крови поцарапал кожу.

– Ну-ну, мальчики. – Он сильнее сдавил шею Владимира. На ней вздулись жилы. – Неужели вы думаете, что всё так просто, а?

Он провёл лезвием по его горлу, царапая кожу. Тонкие струйки крови полились из его шеи.

– Не надо, пожалуйста! – Миша чуть было не возопил, но смог сдержаться. – Не делайте ему больно!

– И не буду, честное пионерское! – Шёпот убийцы подкрадывался к Мише, словно волк к спящим овцам. – Тебе лишь нужно выйти из машины, отойти вон до того дуба. Обернись и посмотри на него, сейчас же! – Оборотень повысил голос. Миша подчинился. – Видишь

его? – Мальчик кивнул в ответ. Почти что конец улицы. – Ты убежишь туда, а после я уеду. Я не трону тебя и пальцем, если ты сделаешь всё, как я тебя прошу.

– А м-мой... папа? Вы... отпустите его? – Сознание постепенно начало возвращаться. С виду могло показаться, что Миша сидит на массажном кресле – так сильно он дрожал.

– Не задавай лишних вопросов, паренёк! Ты ведь хочешь, чтобы все были счастливы? Так и делай то, что я говорю! А не то...

Владимиру хватило лишь секунды, когда маньяк ослабил хватку, чтобы хорошо врезать тому локтем.

– Прямо сейчас ты жмёшь на педаль и едешь куда глаза глядят. В бардачке лежит телефон – вызывай всех! – прокричал Владимир.

Миша послушался, нажал на газ, сменил передачу и доехал до поворота. Лишь один раз он оглянулся.

Папа боролся, вроде как даже отбивал какие-то удары, но преимущество было на стороне монстра. «Мало какой рыцарь выстоял бы против такой зверюги, а ты лишь обычный человек и так долго с ним сражаешься», – говорил ему отец, когда Мише снились кошмары. «Пап, но я никогда не побеждал его. Значит, это не делает меня героем?» – спрашивал тот в ответ. А отец отвечал: «Вонзить меч – не единственный способ победы над зверем. Герой тот, кто остановит монстра, а уж как – решать ему самому».

Маньяк нанёс размашистый удар лезвием в висок. Владимир с грохотом упал на заснеженный асфальт.

– Папа! – прокричал Миша, судорожно ударя пальцами по клавишам новомодного карманного телефона отца, который всегда оставлял его в машине, вспоминая номера спецслужб.

* * *

Он выехал на пустую дорогу, повернул направо и поехал прямо без малейших остановок. На секунду в голове Миши блеснула мысль переехать убийцу, но мальчик понимал, что вряд ли попадёт в него, да и боялся задеть отца, который мог всё ещё оставаться живым. Подступающая истерика встала у него в горле комом, который мешал ему продохнуть. Он сдерживался до последнего, старался контролировать себя, но слёзы, залившие всё сиденье, продолжали литься проливным дождём. Когда Миша обзвонил все службы, то упал головой на руль и горько завыл.

* * *

Тук... Тук... Тук...

Миша с криком вскинул голову вверх. На мгновение он увидел перекошенное лицо убийцы, полностью слившееся с мордой оборотня. Мираж рассеялся – это оказался полицейский, который заметил мальчика в машине.

– Открой, пожалуйста, – сказал сквозь запотевшее окно молодой мужчина в большой шапке-ушанке и с гладко выбритым лицом. Миша невольно открыл дверь, вышел из машины. Он посмотрел на небо – оранжево-алые пятнышки, которые старательно пытались скрыть кружева из облаков. На улице светало. – В других обстоятельствах я бы тебя отчитал, может быть, отвёз в участок. Но только в других обстоятельствах. Ты большой молодец, что смог сориентироваться в такой экстремальной ситуации, выйти нетронутым и сообщить нам.

– Об-оборотень пойман? – дрожащим голосом спросил Миша.

– К-кто? – неуверенно переспросил полицейский. Миша закрыл лицо руками, упал коленями на снег. Полицейского это напугало. Он попытался успокоить мальчика: – Эй, ну чего ты, вставай. Прости, я просто не расслышал. Преступник благодаря твоему содействию пойман, но...

– Мой отец... Он... – Миша старался произносить слова чётко и ясно, но его голос, периодически превращающийся в вопль, было тяжело понять.

– Ты большой молодец! – похвалил полицейский, не заметив вопрос Миши. – Надо сейчас позвонить эвакуатору – я приехал один, – и мы отвезём вашу машину к твоему дому. Подскажешь дорогу?

– Да, – смиренно сказал Миша. Он смолк. Не издал ни единого звука. Тишина повисла тяжёлым туманом, который окутал всех и вся. Но ненадолго. Через мгновение он развеялся звуком капель, разбивающихся о снег. Мужчина аккуратно поднял мальчика, донёс его до своей машины и положил на заднее сиденье, укрыл своей курткой.

Мужчина передавал что-то по рации, где-то далеко запевали птицы, слышался лёгкий приятный хруст снега от десятка ног, ступавших по белому ковру. Сквозь сон Миша услышал новый низкий мужской голос.

– Что будем с ним делать?

– Я думаю, что можно поехать в школу, узнать какую-нибудь информацию о нём у учителей, – ответил уже знакомый Мише голос полицейского. – Через звонки оно не очень-то узнаётся, знаешь ли.

– Почему?

– Да потому что говорят мне, что никого не осталось у него. Я уже успел покататься в разные места. Но, может быть, директор или классная руководительница что-то знает.

– Может быть. Давай отвезём его сейчас к тебе, а потом и в школу по-быстрому сгоняем. – Через некоторое время низкий голос задал вопрос, который одним ударом разорвал сердце Миши: – Как мы ему скажем насчёт его отца?

– Я... не знаю. Пока, я думаю, не стоит об этом заикаться. Потому что... – Он не успел договорить фразу. Из полицейской машины послышалось громкое рыдание.

– Пап-па. П-п-пап-па! – вопил Миша сквозь слёзы. – Папочка! Пожалуйста, приди и обними меня, мне очень плохо! – Он стал истерично икать. – Не оставляй меня! Не оставляй!

Но он оставил его. И Миша никогда этого не забудет.

Так, значит, ты телепат?

– Игорь, скажи мне, как долго мы с тобой знакомы? – Кирилл положил ногу на ногу. Деревянная скамейка, на которой они сидели, смотрела прямо на мелко текущую Мзымту, которая успокаивала своим тихим журчанием. Похлопав себя по плечам, Кирилл втянул шею в небольшой воротник свитера. Ноябрь в Адлере, пускай и не был холодным, но на набережной ветер дул сильный, холодный и заставлял Кирилла раз за разом откидывать волосы назад. Он уже успел пожалеть о том, что, в отличие от Игоря, не надел шерстяную шапку и тёплую парку.

– Дай подумать, – сказал Игорь, легко почёсывая свою небольшую бородку. – Лет с семи?

– Двадцать лет, – холодно кивнул Кирилл. – Сколько из них мы крепко дружим?

– Наверное, лет семнадцать. – Игорь пожал плечами. – Но это очень трудный вопрос...

– Потому что мы видимся раз в несколько лет из-за твоих нагрузок на работе, вечных командировок и моей социофобии, так?

– Д-да. – Игорь поднял брови от удивления. Такого точного продолжения он не ожидал. –

Ну, насчёт социофобии, которую ты сам себе диагностировал...

Кирилл неловко улыбнулся.

– Ты ведь вполне хорошо общаешься с людьми. Можешь почти с кем угодно построить диалог. Как будто бы знаешь то, о чём человек хочет с тобой поговорить.

– Именно об этом я и хотел с тобой поговорить. – Кажущийся безразличным тон Кирилла стал предельно серьёзным.

– О чём же? – Игорь слегка подался вперёд, опёрся руками о колени, приготовившись слушать увлекательную историю.

– Ты ведь не веришь во всякое волшебство и тому подобное?

– Пф, нет, конечно! – Игорь прыснул, вспомнив о том, как бабушка в детстве пыталась его убедить в существовании телекинеза, хотел было рассмеяться, но серьёзный взгляд Кирилла перебил всё желание.

– Я понимаю, что это прозвучит как полный бред. Ты можешь мне даже не поверить, считаешь меня сумасшедшим или ещё чего хуже. Но как друг, пожалуйста, послушай.

Игорь положил руку на плечо Кириллу.

– Я всегда готов тебя выслушать.

– Тогда восприми меня максимально серьёзно, хорошо? – Кирилл осторожно убрал руку Игоря со своего плеча, положило её ему на колено. – Я не знаю, какое слово подходит под это определение. Лет в пять или шесть я заметил у себя одну странность, которой, как я понял, не было ни у одного, кого я встречал за всю свою жизнь.

– Ты не писался в постель?

– Очень смешно. – Кирилл легко стукнул Игоря в плечо.

– Ну, так и что там со странностью?

– Перед моими глазами мелькали слова, иногда я слышал голоса в моей голове, которые принадлежали людям, что сидели рядом со мной. Через какое-то время я осознал, что это не плод моего воображения.

– Ты знаешь мой скептицизм, – без капли удивления сказал Игорь.

– Это произошло, – продолжил Кирилл, будто не услышав друга, – когда моя мама готовила завтрак. Она молчала, думала о том, добавить ли в яичницу лука или же не стоит. Я сказал ей, что с луком будет куда вкуснее. Она удивилась, но приняла это за мою просьбу или вроде того.

– То есть ты отчётливо слышал, как она это произносит? – повёл бровью Игорь. – Может быть, она и вправду это сказала?

– Нет.

- Почему ты так уверен в этом?
- Когда я пытаюсь подслушать чьи-то мысли, то они звучат немного по-другому, не так, как обычная речь. Помнишь ощущение, когда под водой плаваешь и уши закладывает? – Игорь кивнул. – Это очень похоже, но не совсем. Голоса я слышу отчётливо, но на них будто в какой-то программе эффект накладывают.
- Были ли ещё подобные случаи?
- Иногда я отвечал на вопросы людей, когда они ещё не успели их озвучить.
- То есть ты контролируешь это?
- Изначально нет. Раньше я лишь иногда слышал мысли людей. Причём не полноценные монолиты мириадом мыслей, а одно-два слова или же неполное предложение. Я стал пытаться концентрироваться. Представлял, будто я открываю дверь, на которой написано имя нужного мне человека. Пару раз у меня получалось услышать несколько предложений, но зачастую я слышал какой-то шум, который похож на треск телека, когда ты не выбрал канал. Со временем у меня стало получаться всё лучше – с каждым разом я всё отчётливее слышал слова, предложения. Помнишь Лариску, нашу одноклассницу?
- Которая ещё фигуристка?
- Да-да! – подёргал указательным пальцем Кирилл. – Помнишь, когда она призналась Матвею, а тот ей отказал?
- Припоминаю. А что?
- Она заперлась в школьном туалете, не хотела выходить и говорить с кем-либо. Помнишь, кто её вытащил?
- Не-а, не помню. – Игорь пожал плечами. – Мне тогда мама позвонила и сказала собираться. Заехала за мной раньше обычного.
- Я вытащил её.
- Как? Вырвал дверь?
- Нет, я открыл её. Правда, не дверь кабинки, а дверь её разума.
- Звучит очень пафосно.
- Знаю. – Кирилл широко улыбнулся, обнажив свои сильно выпирающие клыки. – Тогда я впервые услышал мысленную речь. Она была полна боли и страданий, словно бутылка с испорченным молоком. Лариса даже пробовала молиться, хотела услышать хоть чей-то голос. Точнее, не чей-то голос, а голос того, кто поймёт её.
- И ты ей ответил? Как? Стоял за дверью кабинки и просто такой: «Эй ты! Там, в туалете! Я слышу твои мысли! Всё в порядке, я тебя понимаю! Этот Матвей вообще козёл и недостоин тебя».
- Худшее, что ты умеешь делать, – имитировать мой голос.
- Спасибо, я стараюсь.
- Кстати, в принципе, оно так и выглядело.
- Серьёзно? – Игорь рассмеялся.
- Почти. – Кирилл прижал кончик указательного пальца к большому. – Во всех случаях до этого, когда я заходил внутрь разума человека, я был молчаливым наблюдателем. Но в этот раз я попробовал заговорить.
- Заговорить? Как это?
- Я постарался передать ей мои мысли через тот проход, который образовался между нами. И она меня услышала.
- Как это ощущается?
- Это очень сильно похоже на обычный разговор, но у меня было ощущение, будто я тащу на себе что-то тяжёлое.
- Собственные мысли, – безучастно подметил Игорь.
- Точно!

– И о чём же вы с ней говорили? И как долго ты простоял в женском туалете?

– Не очень-то и долго, как тебе кажется. Минут семь или восемь. Что-то около того.

– А когд...

– ...да одноклассники меня спросили, почему нас не было слышно, я сказал, что мы шептались.

– Обалдеть. Ты реально сейчас это сделал! – Игорь приложил руку ко рту от удивления.

– Лариса рассказала мне о том, как тщательно готовилась – подбирала косметику, одежду.

Что она даже хотела написать стихотворение, но у неё всё никак не получалось. До того, как она вышла из кабинки, ей казалось, что она разговаривает сама с собой или вроде того.

– Ну, хорошо. Допустим, ты её успокоил, объяснил, что всё ещё впереди – это я знаю. Это ты умеешь. – Кирилл кивнул. – Но что было дальше? Вот она выходит из кабинки, видит тебя, узнаёт твой голос и...

– И я просто улыбаюсь ей. Она слегка приоткрыла рот от удивления, потом я сказал ей: «Я узнал о твоей маленькой тайне, которую никому не расскажу. Сохранишь ли ты мою маленькую тайну?»

– А в чём её тайна? В том, что она пыталась написать стих?

В том, что она любила Матвея на протяжении нескольких лет. Это была не какая-то там влюблённость. Это была настоящая...

– ...любовь, – закончил вслух Кирилл.

– Так, значит, ты телепат? – спросил Игорь, пытаясь скрыть свой нервный смех, превратив его в короткий смешок.

– Вроде того. – Кирилл пожал плечами.

Игорь поднял голову, уставившись на небо. На белые подушки, проплывающие в океане, который мы впитываем лёгкими с каждым вдохом. Холодный ветерок, словно его собственные мысли, омывал его голову, смывая всё то, во что он когда-то верил. Если существуют подобные люди, то тогда действительно нет ничего невозможного. Что, если существуют и другие с похожими способностями? Телекинез? Пироманы?

Я не знаю, существуют ли другие люди с похожими способностями, не говоря о других способностях. Я что-то слышал о Вольфе Мессинге, но многие факты указывают на то, что он был фокусником, не более.

– Но...сейчас ведь нельзя быть ни в чём уверенным, правда? – ответил Игорь другу, не проронившему ни слова.

Кирилл улыбнулся, но в глазах не было ни капли радости. Только холодная пустота.

– Ты ведь знаешь, что многие люди не додумывают свои мысли, – начал Игорь. – Как ты видишь их?

– Когда я научился входить в разум других людей, то научился слышать не только их мысли. После долгих тренировок я научился даже визуализировать воспоминания других людей. А... прости, это же не ответ на твой вопрос.

– Нет-нет, всё в порядке. – Игорь приобнял Кирилла. – Ты можешь рассказывать так, как тебе хочется.

– И... – Кирилл пытался продолжить, но ему что-то мешало. Будто тяжёлый ком в горле не давал ему вдохнуть, выпустить слова. Казалось, будто каждое слово, что он произносит, неприятно ему. Будто бы он страдает. Связано ли это с тем, что за всю свою жизнь он толком никому никогда не доверял, несмотря на доверие других людей? Или же это потому что он никогда и никому об этом не рассказывал? Игорь этого не знал. Он очень многого не знал о Кирилле. И сегодняшний день ему это доказал. – Это как видеть фильм или же картинки без звука в некоторых случаях, но экран – бесформенный и меняет свою оболочку каждую секунду. Сам по себе он будто летает вокруг человека. Мысли, которые, как ты сказал, недодуманы, я научился представлять, как мыльный текст, который с каждой секундой становится всё чётче,

словно фотоснимок в проявочной. Но есть проблема – иногда я, как в детстве, могу услышать мысль того человека, что рядом.

– Поэтому ты сидишь дома и никогда не выходишь в люди, не бываешь на тусовках?

– Ты тоже телепат, да? – Кирилл улыбнулся, а в глазах его мелким огоньком пылала радость. Он почувствовал, что его наконец поняли.

Игорь улыбнулся в ответ.

– Когда мысли начинают лезть в мою голову, они словно заглушают мои собственные. Когда мы с отцом встречали маму в аэропорту, то единственное, что я слышал – оглушительный крик. Нет, вопль миллион голосов, которые не слышал никто, кроме меня. Я держался достойно, не показал боль, а когда мы отъехали от аэропорта, уткнулся в свои колени с облегчением. По прибытии домой мне пришлось стирать всю одежду – так сильно я вспотел. Папа шутил, что я так сильно скучал по маме и перенервничал. Знаешь... его шутки могли поднять мне настроение, какими глупыми они бы ни были. Как же мне его сейчас не хватает. После его смерти мать должна была искать вторую работу, а здоровье у неё, как ты знаешь, ни к чёрту. Я не позволил ей.

– И тогда ты устроился уборщиком в отель? Да ведь каждый день словно пытка!

Кирилл улыбнулся. Но теперь и в улыбке не было ни капельки радости.

– Я пытался их заглушить. Насильно влезал им в головы и кричал о том, чтобы они заткнулись. Как-то раз со мной даже был разговор по поводу этого.

– Разговор по поводу телепатии?

– По поводу моих криков. Я кричал разом для всех, а обычный человек, не привыкший к моему мысленному голосу, не отличит его от настоящего. Мне сказали, что ещё одна такая выходка, и я буду уволен. Мне оставалась всего пара дней до зарплаты, я хотел доработать, а после уйти по собственному. Думал какое-то время открыть лавку фокусника, как Вольф, или вроде того. Устраивать представления. «Хотите познакомиться с самым настоящим телепатом? Всего за пять тысяч вы сможете узнать, каково это, когда ваши мысли читают, и многое другое!»

– Погоди-погоди, а твоя мать знает о...

– Нет, она не знает о моей силе.

– Почему?

– По той же причине, по которой я отказался от идеи фокусника. Моя сила угасает. Раньше я даже не мог приблизиться к центру, а сейчас сижу с тобой у Мзымты да рассуждаю о жизни.

– Может быть, ты просто стал лучше контролировать свою способность?

– Мне стало гораздо сложнее проникать в разумы других. О воспоминаниях не идёт и речи. А недодуманные мысли превратились в мямленье.

– Но ведь ты очень уверенно говорил в моей голове. Я не заметил, что ты напрягался.

– Потому что я и не напрягался. Мне всё ещё нетрудно проникать в головы тех людей, что уже отворили предо мной свои двери. Иногда мне кажется, что именно поэтому слово «доверие» такое. Убери букву «О», и всё станет на места.

Игорь хихикнул.

– Я серьёзно, Игорь.

– А, ну... как скажешь. – Игорь молчал какое-то время, обдумывая свой вопрос.

– Хочешь спросить, жалею ли я о том, что родился таким?

– Да, если тебя не задевает такой вопрос, – промямлил Игорь.

– Не задевает. Я жалею не об этом. Я жалею о том, что не распорядился своей способностью иначе.

– Не стал героем?

– Что-то вроде того. Хотя моя способность и ограничена тем, что человек должен находиться рядом со мной, это не помешало бы мне стать великим допросчиком, ведь я могу легко понять – лжёт человек или нет. Но я не стал им. Я даже толком и не пользовался этой силой. Ведь человек с телепатией может быть крайне опасным для других, если сам того пожелает...

– Но ты не пожелал, так ведь?

Кирилл потупил взгляд.

– Худшие мысли, которые я слышал, – это ненависть к кому-либо. Когда мы говорим о чём-то, то можем смягчить информацию. Не все это, конечно, делают, но я уверен, если тебе кто-то будет неприятен, ты не будешь говорить, какой он убудок и что ты бы его убил за милую душу, подвернись тебе возможность. – Игорь безмолвно кивнул. – Но я слышу всё это. А когда эти мысли сами просачиваются тебе в голову, то становится невыносимо жить. Или же когда я вижу воспоминания людей, где их жестоко переживали. Каждый день мне снятся кошмары о том, что происходит с людьми и что с ними происходило. Я чувствую их страх, их боль, их ужас, их ненависть...

– Но ведь ты чувствуешь их любовь, их счастье, их радость, их удовольствие!

– Как часто? Тебе, великому оптимисту, кажется, что все вокруг таят в сердце надежду. Что все могут быть счастливы, что человеку нужен толчок. Что никто не может ненавидеть просто так. Но ты ошибаешься. Глубоко ошибаешься. Знаешь, почему я так крепко держусь за тебя? Почему я хочу, чтобы ты был моим лучшим другом?

– Почему? – Игорь взял Кирилла за руку.

– Потому что ты единственный, кого я встречал, кто по-настоящему радуется жизни. Ты единственный, кто искренне может любить, помогать остальным. Тот, кто своим теплом согреет другого. Ты – тёплое солнышко, что всегда освещало мой путь!

Слёзы из глаз Кирилла всё падали и падали, а лицо его всё краснело и краснело.

– Игорь, я решил рассказать тебе это всё не для того, чтобы понять о том, как мне было тяжело. Ну, вообще, это тоже, чуть-чуть. – Кирилл малозаметно хихикнул. – А для того, чтобы сказать тебе... спасибо. Спасибо тебе за всё то, что ты делал не только для меня, но и для остальных. За твою честность, искренность и добродушие. Во всём мраке, сотканного из негатива, только ты был тем небольшим огоньком, что освещал мне и остальным путь. Спасибо тебе большое.

– Ты... готовился, что ли?

– Так заметно? – улыбнулся Кирилл.

– Да ты прям поэт. А вообще, не стоит благодарностей. – Игорь вытер слёзы рукавом парки. – В конце концов, так ведь должен поступать каждый, нет? Приходить на помощь тогда, когда это необходимо.

– Абсолютно точно, мой друг... Абсолютно точно.

– И что ты будешь делать?

– О чём ты?

– Что ты будешь делать, когда твоя сила иссякнет?

– Уже сейчас я мало кого могу читать. Не знаю, в какой момент это произойдёт. Да и меня это не волнует. Ведь я смогу наконец зажить самой обычной жизнью. Может, стану даже чуть общительнее.

– Кто его знает, как оно будет, а?

– Это точно.

– Как думаешь, это...

– Бог ли это? Не знаю. Думаешь, если это он, то он забирает силу, потому что я оказался недостойным?

– Не говори так. Но, по правде говоря, я не знаю. Я ни в чём уже не могу быть уверенным.

– Как и я. – Кирилл молчал какое-то время, а потом неожиданно для себя и Игоря спросил: – А что бы ты делал, будь у тебя моя сила?

– Что? – Игорь опешил от вопроса.

– Как бы ты ей воспользовался?

– Я не могу дать точный ответ, ведь... до конца не понимаю, каково это. Но, если основываться чисто на твоих описаниях, я бы стал психологом. Я бы смог проникать в разумы людей, напрямую наблюдать события, которые ранили их, слышать то, что им тяжело сказать, а после стараться помочь. Может быть, меня бы прозвали лучшим понимающим психологом, может быть, я бы придумал какую-нибудь свою программу, которая бы мне прикрывала. Я не стал бы заявлять о телепатии. А может быть, занялся бы чем-нибудь другим. Кто его знает, правда?

– Хорошая мечта, Игорь.

– Спасибо, Кирия.

Они просидели молча на лавке минут пятнадцать, пока Кириллу не позвонила его мама. Уже успело стемнеть – солнце утонуло за морским горизонтом. Она сказала Кириллу, что ей срочно нужна помощь в одной бумажной волоките.

– С кем ты там гуляешь так поздно, Кирилл? – донёсся голос из телефона.

– С Игорем. Я ведь тебе говорил, что прошёл прогуляться по набережной.

– С Игорем? – Из телефона послышался недоверчивый тон. – Точно?

– Мама Анжелика, всё в порядке! Он со мной!

– Ну ладно, мальчики. Игорь, тебе самому домой не пора? – Кирилл поставил на громкую связь.

– Не-а, у меня родители уехали в гости. Скорее всего, они уже спят или думают, что я уже дома. Нет поводов для беспокойства.

– Наверное, потому что ты им не рассказал, ведь так? – Игорь ничего не ответил. – Чего молчишь?

– Мам, ты чего такая вредина сегодня, а? – спросил Кирилл.

– Потому что видеться надо чуть раньше.

– Скоро буду. Игоря проконтролирую. Пока, мам. – Не дождавшись ответа, Кирилл сбросил вызов и убрал свой старенький телефон в карман джинсов.

– Ты так и не сказал, кем работает твоя мама.

– Ещё тогда, когда мой отец писал книжки, она решила работать редактором. В годы его кончины редакторы были практически никому не нужны, а поэтому с деньгами были проблемы. Сейчас же с этим немного проще, работа появилась. Тем более опыт работы имеется.

– Перед тем как я тебя отпущу...

– А ты меня держишь, что ли? – сказал Кирилл, и оба захихикали.

– Скажи мне, ты ведь когда-нибудь читал мысли отца?

– Да, и довольно часто. Он не успел написать все книги, которые хотел, но... у меня, как мне кажется, есть возможность.

– Но ты ведь не умеешь писать.

– Комиксы!

– А-а! Ну, тоже как вариант.

– Слушать его мысли, когда он придумывает сюжет, было одно удовольствие. Таких крутых историй я давно не слышал. Как-нибудь ты точно увидишь один из его сюжетов в моих комиксах, это однозначно!

– Я хотел тебя спросить немного не об этом, но всё же с удовольствием прочитаю.

– А о чём же? – Кирилл повёл бровями.

– Скажи... он... был солнцем для твоей матери? Он любил её по-настоящему?

– Да, – с чистой уверенностью в голосе сказал Кирилл. – И для этого мне вовсе и не нужно было лезть ему в голову. Если бы он всё ещё был... рядом, то я обязательно всё ему рассказал бы. Думаю, что он понял бы меня.

– Спасибо, что открыл свой разум для меня.

– Открыл... разум? – сказал Кирилл, и друзья громко захохотали.

– Спасибо тебе за этот день, Кирилл. Надеюсь, что всё у тебя будет в порядке.

– И тебе, Игорь. Надеюсь, что у тебя не будет никаких завалов на работе.

– Увидимся, дружище, – сказал Игорь. Кирилл протянул ему руку для пожатия. Вместо этого Игорь крепко обнял его, а после сказал: – Всё будет хорошо.

– Я знаю...

После недолгой паузы Кирилл сказал:

– Увидимся... дружище!

Они разошлись в разные стороны. Проходя мимо статуи солдат, Кирилл долго думал, как же сильно ему повезло с другом.

Игорь, если моих сил хватает, чтобы ты услышал это, знай. Я мечтаю о том, чтобы у каждого был такой друг, как ты. Спасибо.

Последний поход с учителем музыки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.